

женский почерк •
;

Елена Долгопят

Чужая жизнь

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д64

Художник
Ирина Сальникова

Фото автора на переплете
Татьяна Сурикова

Долгопят, Елена Олеговна.
Д64 Чужая жизнь : [рассказы] / Елена Долгопят. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 381, [3] с. — (Женский почерк).

ISBN 978-5-17-117488-0

Елена Долгопят — прозаик, сценарист. Автор книг «Тонкие стекла», «Гардеробщик», «Родина», «Русское». В 2017 году сборник рассказов «Родина» вошел в шорт-лист премии «Национальный бестселлер».

Человек смотрит на себя в зеркало и видит в нем постороннего. В чем причина?

Инерция жизни, когда человек перестает чувствовать себя живым, перестает видеть и слышать, а каждый новый день повторяет предыдущий?

Страх жизни и смерти? Страх быть?

Или зависть к чужой жизни и к чужой судьбе?

Рассказы Елены Долгопят в новом сборнике «Чужая жизнь» развлекают и пробуждают читателя от инерции. Хотя бы на мгновение мир предстает странным.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117488-0

© Долгопят Е.О., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Цветная изнанка жизни

Это умная проза. Ее простота обманчива, ее кажущаяся безыскусность — итог опыта и мастерства, а авторская сдержанность отзывается в нас неожиданно сильным чувством.

Каждый рассказ Елены Долгопят неповторим и может принадлежать только ей. Каждый болезненно бережит душу чувством непрочности, а то и призрачности человеческого существования в отнюдь не иллюзорном, но самом что ни на есть реальном, очень узнаваемом мире. Даже те, где присутствует элемент фантазмагии, воспринимаются не как фантастика, а как возведенная в степень обыденность. Приемы, за счет которых достигается этот эффект, мне неизвестны. Подозреваю, что загадка воздействия этих текстов на читателя в чем-то таком, чему не научат ни на каких литературных курсах.

Как человек, много лет проработавший учителем в школе, я знаю, что если на уроке ты о чем-то рассказываешь, а дети начинают шуметь, бесполезно форсировать голос. Ты один, а их много, всё равно ты их не перекричишь. Лучший способ заставить прислушаться к себе — начать говорить тише. По-моему, что-то подобное происходит сейчас в литературе: отчаявшись быть услышанными, мы стараемся крикнуть громче, чтобы перекричать шум мира, но у большинства это плохо получается.

Елена Долгопят никогда не пыталась повысить голос. Ее рассказы давно публикуются в журналах и выходят отдельными книгами, но лишь в последние годы мы, кажется, начинаем понимать, что своим тихим голосом она говорит о «цветной изнанке жизни», вещах, важных для всех нас.

Леонид Юзефович

Лёша

Это произошло произвольно, без усилия. Очередь не двигалась, мать не отпускала Лёшу от себя, держала за воротник, как маленького. Люди подходили, спрашивали, что дают.

Сосиски.

Сказали не занимать.

Килограмм в руки.

Стояли терпеливо, плотно друг к другу. Кто-то пытался пробиться без очереди, на него кричали матом.

Очередь то стояла намертво, то продвигалась на шагок, и сколько еще таких шажков до продавщицы в белом колпаке, тысячу? Сто тысяч? Лёша бы сходил, измерил, но мать не отпускала, держала крепко.

– Мне жарко, – пожаловался Лёша.

Мать отпустила воротник, наклонилась. И в этот момент, в то самое мгновение, когда лицо матери приблизилось к Лёшиному, время остановилось. Мать и все люди, все существа и все предметы застыли, как в сказке про заколдованный замок. Лёша множество раз читал ее в тонкой детской книжке. В книжке имелась картинка с замершими в танце обитателями замка. Впрочем, на любой картинке мир со всеми его обитателями замирает.

Лёша пошевелился и понял, что время остановилось не для него. Все застыли, Лёша оставался свободен. Он не особенно удивился. Он воспринял случившееся спокойно. Отступил от очереди. Прошел вдоль нее. Отметил, что не слышно звуков, и даже его собственные шаги не слышны. Не чавкает черная жижа на полу. Идешь, как будто в пустоте.

Лёша ступал осторожно, боялся спугнуть уснувшее время. Боялся пробудить. Наверное, так нужно красться мимо задремавшего льва.

В воздухе застыла новенькая блестящая монетка. Пятачок. Лёша разглядел год, 1972-й. Только что начавшийся. Дверь была приоткрыта, видимо, не успела захлопнуться за багровым от холода дядькой. Для Лёши проход оказался достаточным.

Мальчик вышел на зимнюю улицу. В воздухе сверкала ледяная пыль. Ребенок катился по ледяной дорожке, растопырив руки. Лёша заглянул ему в лицо, в светлые прозрачные глаза и отправился дальше. Лёша знал, что улица должна при-

вести его к реке, ему хотелось посмотреть на лед, и, может быть, даже пройти по нему на тот берег. Ребята говорили, что посреди реки гудит страшный ветер и может снести пешехода, уволочь аж до самого фанерного завода. Там всегда пахло распиленным деревом. Впрочем, в остановленном мире Лёша не чувствовал запахов.

Идти оказалось легко, невесомо. Лёша наблюдал облачка пара и дым сигарет, как будто запечатленные на фотографических снимках. Вдоль спускавшейся к реке улицы стояли небольшие одноэтажные дома. Над печными трубами замер дым. Из колонки била в ведро ледяная алмазная струя. Тетка поддерживала на крючке ведро. Она стояла прочно. В валенках с черными гладкими калошами, в сером ватнике, из-под которого выглядывала длинная темная юбка. Лёша обошел тетку, рассмотрел со всех сторон, как статую в музее. Подивился на обширный зад, на крепкие, как бетонные сваи, ноги, на черную волосатую родинку над верхней губой.

Лицо у тетки сморщено; похоже, она собиралась чихнуть, да не успела.

Лёша подумал: надо же, я гуляю и нисколько не мерзну, и есть не хочется. А в очереди очень уже хотелось есть, тем более что пахло в магазине не только холодом и людьми, но и свежим хлебом, и сосисками пахло, которые привезли к ним продавать из Москвы.

Ничего уже не хотелось, только смотреть.

Лёша оставил тетку и отправился дальше, то задерживаясь перед вспорхнувшим воробьем, то пе-

ред каким-нибудь прохожим. Лёша переходил на проезжую часть, шагал, не опасаясь машин; не было слышно их ворчания и звериного бензинового запаха, который Лёша обожал.

У реки, за сараями, открылся проулок, и Лёша увидел в нем маленькую, скрюченную фигурку. Мальчик лежал на снегу, поджав ноги, прикрыв руками голову, на которую летела уже нога в тяжелом, точно камень, ботинке. Летела, да не долетела, остановилась в воздухе. Лицо у нападавшего перекосилось, серая армейская шапка с вмятиной от кокарды свалилась и зависла у самой земли.

Лёша знал обоих ребят. Лежащего звали Валькой, он учился вместе с Лёшей в четвертом классе а; его палач, по прозвищу Бык, учился в восьмом гэ. Не учился, а тянул срок, как мать в таких случаях говорила. Валька обращал на себя внимание лишь тихим прозрачным голосом. Учительница всегда подходила к нему поближе, чтобы расслышать. Рядом с ними застыл наблюдателем еще один знакомец и Лёшин одноклассник — Петя. И не просто знакомец и одноклассник, а лучший Лёшин друг. Он стоял, засунув руки в карманы короткого пальто, и наблюдал избиение с улыбкой.

С ужасом смотрел Лёша на лицо друга. И это Петя! Веселый, умный, ловкий, обожаемый Петя! Тот, кому Лёша рассказал свой сон о смерти (а больше не рассказал никому), тот, кто научил его плавать этим летом. Петя, который умел заговорить кровь. Лучший человек на земле хлад-

нокровно и с видимым удовольствием наблюдал избиение.

Лёша опустился на колени и заглянул в лицо бедного Вальки.

Глаза зажмурены, нос разбит в кровь.

Лёша подумал: схвачусь за каменный ботинок и дерну на себя, Бык грохнется об лед затылком, а мы с Валькой рванем. До фанерного, по льду.

Лёша схватился за ботинок и в ту же самую секунду очутился в очереди и оглох от обрушившихся звуков. Голоса, шаги, кашель, хлопанье двери. Мать сказала:

— Потерпи, сынок, мы уже рядом.

Она выпрямилась, отвлеклась, и Лёша сиганул к двери.

В переулке за сараями никого уже не было. Лёша разглядел пятна крови на утоптанном снегу. Огляделся, подождал невесть чего. И побрел к магазину. Дыхание постепенно восстанавливалось.

Дома мать сказала, что сосисок он не получит.

— Я за своей долей отстояла, дотерпела, а ты, видать, не пожелал.

И больше она с ним в этот вечер не разговаривала. И не смотрела в его сторону, как будто Лёша — пустое место. Сварила сосиску и съела. Лёша пожевал картошку с квашеной капустой и сел за уроки. Назавтра Любаша, так они звали классную, обещала контрольную. Лёша чувствовал себя старым, много пережившим.

На другой день Валька в школе не появился, а Петя пришел с заплывшим глазом и рассказал

Лёше, как шел вчера по переулку у реки, думал о своем и вдруг увидел, как Бык молотит Вальку.

— Я, конечно, бросился отбивать и получил, хорошо, что дядька проходил военный. Он Быка рубанул по шее, и всё, Бык сдох. Дядька обещал научить боевым приемам. Пойдешь?

Лёша понял примерно следующее: по мгновению, по тонкому срезу, нельзя судить о событии. Нельзя судить с абсолютной точностью. С уверенностью. Ты не знаешь, отчего на лице человека застыла улыбка. Он смотрит на тебя, но, быть может, тебя не видит и улыбается собственной, неведомой тебе мысли.

После боя Петя проводил Вальку до дома, и по дороге Валька рассказал, что гулял себе спокойно за хлебом и вдруг увидел — у сарая стоит Бык и плачет. Валька прибавил шаг и вдруг услышал, что Бык его нагоняет. Нагнал, двинул в спину, Валька упал.

Звонок прозвенел, вошла Любаша.

Ребята стояли тихо. Любаша посмотрела на них с такой грустью, с какой мать иногда смотрела на Лёшу, как будто заранее, на всю оставшуюся жизнь, его жалея.

Любаша опустилась на стул возле своего учительского стола, закрыла маленькими ладошками круглое молодое лицо и застыла.

И класс застыл. Никто не шевелился. Рукав кофты у Любаши был испачкан мелом, очень хотелось, чтобы эта белая полоса исчезла, не беспокоила взгляд. Всё это походило на вчерашнее, вдруг остановленное время. Правда, на этот раз и Лёша был в нем остановлен.

Никто не мог пошевелиться, никто, пока Любаша не отняла рук от покрасневшего лица и не вздохнула. И тогда все вздохнули.

Девчонки закудахтали:

— Любовь Николавна, Любовь Николавна, что такое, что?

Любаша махнула рукой, остановила квохта-нье. Платочек вынула из кармашка в кофте, белый, тоненький, промокнула глаза, промокнула нос.

— Вы всё равно узнаете. Бориса Евдокимова нашли убитым сегодня утром. Да вы садитесь уже.

Борис Евдокимов и был Бык. Был.

Через день Петя перехватил Лёшу до начала уроков возле школы. Он сказал, что сегодня восьмой гэ едет хоронить Быка. У крыльца уже стоял «пазик».

— Пока они собираются, мы пешком дойдем.

Лёша не спросил, зачем. Он (вероятно, как и Петя) чувствовал, что должен идти. То ли попроситься, то ли разрешить какой-то вопрос.

Бык жил (был) на окраине, в прилепившейся к городу деревне. Ребята прошли через заглохший парк у завода Дзержинского, прошли по обочине узкой, обледенелой дороги, перебрались через пути, через маленькую замерзшую речушку, оттуда уже видна была деревня. Шли они всю дорогу молча.

Белое поле лежало под фиолетовым небом. Любаша приводила их сюда в декабре. Лопатой разрезали снег и смотрели слои. Светлые, темные, впитавшие копоть и жесткий ледяной наст,

это значит, подморозило после оттепели. Увидели желтый след мочи, похихикали. Любаша сказала, что к весне вся эта снежная книга, которую она их учит читать, растает без следа.

Белое чистое поле под сумрачным небом слепило глаза. Мальчики приближались к деревне по пробитой тропинке, и всё казалось таким давним: и снег, и тропинка, и деревянные дома, и печной дым, и сами они, маленькие люди.

— У нас из Александровки братья Крысенковы учатся.

— Да, точно.

У дома Быка топтались люди. Красная крышка гроба стояла у забора возле настезь распахнутой калитки. Мальчики прошли. Тропинка была широко и гладко расчищена. Снег светился. Мужчины курили на крыльце.

В комнате оказалось холодно, нетоплено.

Скудный свет из небольшого окна. Зеркало завешено черным платком. На голом столе посреди комнаты — открытый, обитый красным гроб. На стуле возле него — женщина, вся в черном. Губы сжаты, глаза сухие.

Мальчики робко приблизились с другой стороны стола к гробу. Лежавший в нем не походил на себя живого. Одели его в черный парадный костюм и белую отглаженную рубашку. Блестели и пахли гуталином черные тяжелые ботинки. Часы на буфете стояли. От холода стыло лицо. Петя коснулся Лёшиной руки, и мальчики тихо отступили от гроба.

Они вышли на волю, постояли с мужчинами на крыльце, вдохнули горький дым.

Подъехал «пазик», открылась дверь. Восьмиклассники выбирались молча.

– Айда домой, – решил Петя.

– Я останусь еще, – сказал Лёша.

Петя взглянул на него удивленно, но ничего не спросил. Пожал руку на прощание.

Лёша сошел с крыльца, топтался рядом. Бог его знает, для чего он оставался, что еще хотел увидеть. Может быть, понять.

Лёша дождался, когда гроб вынесли из дома, и отправился вслед за черной тихой толпой.

На кладбище мужчины долбили землю и пели неслыханные Лёшей стихи:

– Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

Не было на кладбище священников, несколько старушек крестились и плакали (мать Быка не плакала и не крестилась), а мужчины долбили землю, и пели, и пели:

– Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

И это казалось Лёше страшным и нужным.

Остался он и на поминки в уже натопленном доме, послушал разговоры, поел и даже глотнул водки.

Убили Быка ножом в грудь на путях, за депо. За ночь занесло его снегом.

Мать Быка всё молчала, а потом вдруг сказала, негромко, но все услышали: